

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Международный Комитет Красного Креста и гражданские права человека (Часть 1)

Саяпин С.В.*

На протяжении значительного периода своей истории Международный Комитет Красного Креста (МККК) традиционно воздерживался от обращения к международному праву прав человека по причине того, что это право часто считают политизированным. Однако меняющийся характер вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия, в которых МККК осуществляет свою гуманитарную деятельность, побудил организацию обратиться – в ограниченном объеме – к определенным нормам международного права прав человека (МППЧ), чтобы повысить уровень защиты, предоставляемой МККК. Данная статья посвящена нормам международного права о гражданских (личных) правах человека, к которым МККК может обращаться в своей гуманитарной деятельности, а также порядку применения этих норм в практике МККК.

---

* Саяпин Сергей Вячеславович – докторант кафедры германского и международного уголовного права, уголовного процесса и современной юридической истории Берлинского университета имени Гумбольдта. Он также является Ответственным за программу для академических кругов в Региональном представительстве Международного Комитета Красного Креста (МККК) в Центральной Азии.

Автор предпринял максимальные усилия для того, чтобы соблюсти предельную точность при толковании документов МККК. Однако взгляды и идеи, изложенные в данной статье по рассматриваемым в ней вопросам, необязательно отражают официальную позицию МККК как организации. Автор выражает признательность Татьяне-Марии Комерзан, переводчику Регионального информационного центра МККК (Москва), за содействие в работе над рукописью настоящей статьи. sergey.sayapin@yahoo.com.

Ключевые слова: гражданские (личные) права человека; международное гуманитарное право (МГП); международное право прав человека (МППЧ); Международный Комитет Красного Креста (МККК); право на жизнь; право на недискриминацию; право на физическую и психологическую неприкосновенность; процессуальные гарантии; свобода передвижения.

На протяжении значительного периода своей истории Международный Комитет Красного Креста (МККК) традиционно воздерживался от обращения к международному праву прав человека по причине того, что это право часто считают политизированным. Однако меняющийся характер вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия, в которых МККК осуществляет свою гуманитарную деятельность, побудил организацию обратиться – в ограниченном объеме – к определенным нормам международного права прав человека (МППЧ), чтобы повысить уровень защиты, предоставляемой МККК. Данная статья посвящена нормам международного права о гражданских (личных) правах человека, к которым МККК может обращаться в своей гуманитарной деятельности, а также порядку применения этих норм в практике МККК.

1. Введение

По аналогии с договорными нормами гуманитарного права, которые явились ответной реакцией международного сообщества на ужасы войны¹, современный миропорядок, частью концепции которого является право прав человека, возник из стремления «избавить грядущие поколения от бедствий войны» и «вновь утвердить веру в... достоинство и ценность человеческой личности»². Как ни парадоксально, пути развития этих двух отраслей права, которые в силу своей природы могли бы идти рука об руку, очень скоро разошлись – и даже сейчас, спустя десятилетия, не прекращаются дебаты по вопросу их взаимосвязи. Немного найдется таких вопросов, которые исследователи гуманитарного права и права прав человека изучают столь глубоко и тщательно, сколь глубока взаимосвязь между этими двумя отраслями права. Много трудов посвящено сходствам и различиям между

---

¹ См. Женевскую конвенцию об улучшении участи больных и раненых воюющих армий на поле боя 1864 г.

² Устав Организации Объединенных Наций (1945 г.), преамбула, мотивировки 1 и 2.

гуманитарным правом и правом прав человека³. Международные экспертные органы, действующие в сфере международного права прав человека (МППЧ), неоднократно ссылались – скорее опосредованно, нежели напрямую – на источники международного гуманитарного права (МГП)⁴. Международные и национальные судебные органы тоже уделили большое внимание этому вопросу⁵. Однако до настоящего времени непрекращающееся скрупулезное обсуждение этого вопроса не привело к согласованным выводам относительно того, каким образом следует совместить нормы МГП и МППЧ, количество которых весьма велико, с тем чтобы наиболее эффективно выполнить общую задачу этих двух отраслей права, заключающуюся в защите человеческого достоинства.

Примечательно, что после Второй мировой войны, когда вносились изменения в три уже существовавшие на тот момент Женевские

---

³ Обзор этой темы можно найти в следующих работах (на английском языке): Eide, 'The Laws of War and Human Rights - Differences and Convergences', in Swirski (ed) *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet* (Geneva: Martinus Nijhoff, 1984) 675; Hampson, 'Human Rights and Humanitarian Law in Internal Conflicts', in Meyer (ed) *Armed Conflict and the New Law, Vol. II: Effecting Compliance* (London: BICCL, 1993) 53; Rehnquist, *All the Laws but One, Civil Liberties in Wartime* (New York: Vintage, 1998); Vinuesa, 'Interface, Correspondence and Convergence of Human Rights and International Humanitarian Law', in Fisher and McDonald (eds) *Yearbook of International Humanitarian Law, Vol. I* (The Hague: T.M.C. Asser Press, 1998) 69; Provost, *International Human Rights and Humanitarian Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); and Lubell, 'Challenges in Applying Human Rights Law to Armed Conflict', (2005) 87 *International Review of the Red Cross* 737

⁴ См., например, Замечание общего порядка 29 Комитета по правам человека «Отступление от прав в связи с чрезвычайным положением» (статья 4), CCPR/C/21/Rev.1/Add. para.3; Concluding Observations of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights: Israel, 31 August 2001, E/C.12/1/Add.69 (на англ. яз.).

⁵ Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно правомерности угрозы ядерным оружием или его применения (1996 г.; 226, пункт 25); Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории (2004 г.); Basak, 'Abu Ghreib, das Pentagon und die deutsche Justiz. Zur Zuständigkeit der deutschen Strafverfolgungsbehörden für Kriegsverbrechen im Irak nach dem Inkrafttreten des VStGB', (2005) 18 *Humanitäres Völkerrecht* 85; von Braun, 'Die Strafverfolgung von Menschenrechtsverbrechen aus der Praxis: Entwicklung, Struktur und Leistungsfähigkeit des Sondergerichts in Osttimor', (2005) 18 *Humanitäres Völkerrecht* 93; Heintze, 'Las Palmeras v Banaca-Velasquez und Bankovic v Loizidou? Widersprüchliche Entscheidungen zum Menschenrechtsschutz in bewaffneten Konflikten', (2005) 18 *Humanitäres Völkerrecht* 177.

конвенции (ЖК)⁶ и разрабатывалась новая – четвертая Женевская конвенция⁷, наблюдались явные признаки возможного сближения МГП и МППЧ⁸, даже если, возможно, это широко и не афишировалось. В тексте Всеобщей декларации прав человека 1948 г. признавались реалии вооруженных конфликтов⁹, а что касается Женевских конвенций, то существовала возможность включения в них общей преамбулы, в которой содержится ссылка на то, что «уважение к личности и достоинству людей является основополагающим принципом, который является обязательным даже в отсутствие каких-либо договорных обязательств¹⁰». Однако различия в позициях делегатов Дипломатической конференции в том, что касается общего подхода к включению ссылки на права человека¹¹, привели к тому, что от преамбулы отказались вообще. При этом в самих Конвенциях¹² все же было сохранено достаточно четкое обозначение прав лиц, пользующихся защитой. На более же позднем этапе, когда разрабатывались дополнительные протоколы (ДП), было

---

⁶ ЖК I об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (1949 г.); ЖК II об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (1949 г.); ЖК III об обращении с военнопленными (1949 г.).

⁷ ЖК IV о защите гражданского населения во время войны (1949 г.).

⁸ Best, *War and Law since 1945* (Oxford: Clarendon Press, 1997) at 70.

⁹ Мотивировка 3 преамбулы Резолюции 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, А/810, гласит, что «необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения» (курсив автора).

¹⁰ Возможно, в формулировке предполагалось четко указать обычно-правовой характер нормы, требующей уважения личности и человеческого достоинства – см. Примечания и предложения, представленные МККК вниманию правительств государств, которые получили от Федерального совета Швейцарии приглашение на Дипломатическую конференцию, состоявшуюся в Женеве 21 апреля 1949 г. (см. in Pictet (ed), *Commentary on the Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field* (Geneva: ICRC, 1952) at 21).

¹¹ Best, *supra* n. 8 at 71 and 72.

¹² См., например, ст.6 ЖК I; ст.6 ЖК II; ст.6 ЖК III; и ст.7 ЖК III, согласно которым «ни одно специальное соглашение не должно наносить ущерба положению больных и раненых, а также санитарного и духовного персонала, установленному настоящей Конвенцией, не ограничивать прав, которые она им предоставляет». В последующих статьях также упоминается о правах, «которые им обеспечивает настоящая Конвенция» (курсив автора).

решено, что уместно включить в текст этих документов более явные ссылки на право прав человека¹³.

За десятилетия, прошедшие с окончания Второй мировой войны, некоторые правозащитные организации стали опираться как в своих действиях, так и при принятии решений¹⁴ на МГП в гораздо большей степени, нежели МККК мог себе позволить опереться на теорию и практику МППЧ. Учитывая принципиальное стремление МККК сохранить свой уникальный характер, причины, по которым он обычно держался в стороне от политизируемого МППЧ, вполне убедительны. Однако постоянное взаимное влияние, которое оказывают друг на друга МГП и МППЧ с точки зрения содержания их норм, с одной стороны, а также меняющийся характер вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия, в условиях которых действует МККК, в том числе и ситуации, порог насилия в которых ниже, чем тот, при котором применяется МГП, с другой стороны, побудили МККК к разработке ряда руководящих документов и директив, касающихся обращения к МППЧ в подобных ситуациях¹⁵. Сейчас эти документы служат руководством как для сотрудников штаб-квартиры МККК, так и для сотрудников, работающих на местах. В самом недавнем и наиболее полном руководящем документе – Doctrine DOCT/63-2006/1 “The Invocation of International Human

---

¹³ Ст. 72 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (1977 г.), и мотивировка 2 преамбулы Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (1977 г.) (ДП II).

¹⁴ См., например, the Case 11.37, Juan Carlos Abella v Argentina Report No. 55/97 (1997) (La Tablada case), в частности, пп. 157-68.

¹⁵ Среди этих документов, в частности, DOCT/34-1985/5 (8 July 1985): ‘Les garanties judiciaires ‘reconnues comme indispensables par les peuples civilisés au sens de l’article 3 commun des Conventions de Genève’; DOCT/50-1988/5 (29 September 1988): ‘L’attitude du CICR en cas de grève de la faim en milieu carcéral’; DOCT/4-1993/1 (1 May 1993): ‘L’action du Comité international de la Croix-Rouge face aux situations de violence interne’; DD/DIR YS/SEM/ (29 August 1994): ‘Lignes directrices du CICR concernant la diffusion des droits de l’homme’; DOCT/56-1996/1 (29 May 1996): ‘Intervention du CICR dans le domaine judiciaire pour la protection de toutes les personnes soumises à une forme quelconque de détention ou d’emprisonnement’; DOCT/15-2005/10 (11 April 2005): ‘Les démarches du CICR en cas de violations du droit international humanitaire ou d’autres règles fondamentales qui protègent la personne humaine en situation de violence’; DOCT/28-2003/5 (8 May 2003): ‘Lignes directrices sur les disparus’; and DIR0862 (28 June 2005): ‘A Guide for Dialogue on the Use of Force, Victim Assistance and Detention in Internal Disturbances and Other Situations of Internal Violence’.

Rights Law by the International Committee of the Red Cross” («Обращение МККК к нормам международного права прав человека») обобщается соответствующий опыт и формулируется «общий подход», в рамках которого указываются те права человека, на которые МККК может ссылаться, и условия, при которых он может это делать¹⁶. Ожидается, что такой институциональный подход МККК позволит организации «по необходимости использовать права человека в своей гуманитарной деятельности, не занимаясь при этом правозащитной деятельностью и сохраняя, таким образом, свой уникальный характер»¹⁷.

У МККК нет ни правового, ни институционального обязательства в том, что касается призывов к добросовестному применению МППЧ, а также в том, что касается деятельности в этом направлении. Соответственно, МККК может решить не ссылаться непосредственно на ту или иную норму МППЧ, если он придет к выводу, что подобная ссылка может иметь отрицательные последствия для его оперативной деятельности, и в конечном итоге навредить интересам лиц, которым организация стремится оказать помощь и предоставить защиту. В подобных случаях МККК предпочтет использовать формулировки общего характера, такие как «принципы гуманности» или «международно признанные нормы». То есть МККК обычно не работает с нормами прав человека в строгом смысле этого понятия, а, скорее, дополняет или подкрепляет аргументацию, которой он руководствуется в своей оперативной деятельности и которая преимущественно основана на МГП, ссылками на отдельные источники МППЧ¹⁸, применимые в конкретной ситуации.

В документе ДОСТ/63-2006/1 содержится четкий список категорий нарушений прав человека, на которые МККК с полным основанием может реагировать в рамках своего мандата и для пресечения

---

¹⁶ В терминологии данного руководящего документа «обращение» обозначает любую прямую ссылку МККК на документы, правила или нормы «мягкого права» МППЧ в тексте представлений организации, направляемых в результате нарушений, а также в информационной деятельности, которая не связана напрямую с реакцией на конкретное нарушение, см. ДОСТ/63-2006/1 (25 August 2006): ‘The Invocation of International Human Rights Law by the International Committee of the Red Cross’, at 24.

¹⁷ Ibid. at 1.

¹⁸ В исследовании МККК «Обычное международное гуманитарное право. Нормы» отмечается, что в отношении интерпретации основополагающих гуманитарных норм, ссылки на право прав человека могут использоваться «для поддержки, подкрепления и разъяснения аналогичных принципов гуманитарного права». (См.: Жан-Мари Хенкерс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Том I. Нормы, МККК, Москва 2006 г. С. 381).

которых существуют схожие положения МГП¹⁹. Как будет показано ниже, список нарушений, на которые МГП может реагировать в своей деятельности, в основном включает в себя «ядро» МППЧ – так называемые неотъемлемые права²⁰. Эти права являются основополагающими для защиты человеческой жизни и достоинства, которая является частью мандата МККК. Следовательно, предполагается, что надлежащие ссылки на соответствующие договоры по МППЧ могут действительно укрепить возможности МККК в том, что касается реагирования (путем конфиденциального диалога, а также путем распространения соответствующей информации и знаний среди различных категорий лиц²¹) на гуманитарные проблемы населения, которому организация стремится предоставлять помощь и защиту²².

Автор полагает, что лучше всего официальная позиция МККК по рассматриваемым в данной статье вопросам отражена в официальных публикациях организации (в том числе и на интернет-сайтах), а также в заявлениях, сделанных в рамках международных форумов, таких как сессии Генеральной Ассамблеи ООН или ее бывшей Комиссии по правам человека (ныне Совет по правам человека) или Международные конференции Красного Креста и Красного Полумесяца. По этой же причине в данной статье содержится большое количество ссылок на официальные и научно-исследовательские публикации (включая исследование «Обычное международное гуманитарное право. Нормы» и отдельные номера *Международного журнала Красного Креста*) и приводятся цитаты руководителей МККК там, где это уместно.

¹⁹ Согласно определению, используемому в руководящем документе ДОСТ/15-2005/10: «основополагающие нормы, защищающие лиц в ситуациях насилия». Текст на английском языке см. в “Action by the International Committee of the Red Cross in the Event of Violations of International Humanitarian Law or of other Fundamental Rules Protecting Persons in Situations of Violence” (2005), 87 International Review of the Red Cross 393.

²⁰ ДОСТ/63-2006/1, supra n. 16 at 24 and 25 (на англ. яз.).

²¹ В данном случае «распространение соответствующей информации и знаний среди различных категорий общества» означает информационно-просветительскую работу с молодежью (программа «Исследуя гуманитарное право» и программа сотрудничества со средними учебными заведениями), с научно-академическими кругами (программа сотрудничества с высшими учебными заведениями), с вооруженными силами (программа сотрудничества с вооруженными силами), а также с полицией и силами безопасности (программа сотрудничества с полицией и силами безопасности). Не вызывает сомнения, что из них в наибольшей степени перекликается с ППЧ программа сотрудничества с полицией и силами безопасности (см., в особенности: К. Ровер. Служить и защищать. МККК, М., 2006, 2-е изд.).

²² ДОСТ/63-2006/1, supra n.16 at 24.

В связи с ограниченным объемом настоящей статьи мы сосредоточим внимание на гражданских (личных) правах человека. См. статью о применении норм о социальных и экономических правах человека в практике МККК в № 2 *Московского журнала международного права* за 2012 г.

2. Право на недискриминацию

В условиях вооруженного конфликта обеспечение эффективности правовой защиты человека уже само по себе является сложной задачей. Как пишет Хэмпсон, вооруженные конфликты, как международные, так и немеждународные, имеют последствия для каждого вида прав человека в индивидуальном порядке²³. Еще сложнее обеспечить защиту группам лиц (а порой и всему населению), которые затронуты вооруженными конфликтами, то есть обеспечить гуманное обращение с категориями лиц, пользующихся защитой (например, раненые и больные, лица, потерпевшие кораблекрушение, военнопленные и гражданские лица).

Принцип недискриминации, вытекающий из общего принципа равенства²⁴, является всеобъемлющим правом, которое неотделимо от соблюдения иных прав человека и в таковом качестве лежит в основе иных гуманитарных норм²⁵. Фактически лица, пользующиеся защитой по МГП, могут в полной мере воспользоваться своим статусом только при условии соблюдения их права на недискриминацию. Это право, являющееся аналогом запрещения какой-либо дискриминации, содержащегося в МГП, включено в Устав ООН и основные договоры в области МППЧ²⁶.

---

²³ Hampson, 'The International Law of Armed Conflicts: Myth, Reality or Possibility?', in Vijapur (ed), *Essays on International Human Rights* (Essex: University of Essex, 1997) 1 at 4.

²⁴ Данный принцип следует отличать от принципа равенства сторон в спорах юридического характера, рассматриваемых судом. Этот принцип означает равенство людей как субъектов применимого права, в том числе и международного, или равную возможность для людей пользоваться защитой положений применимого права, в том числе и международного. См., например, ст. 1 Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» (выделено автором). По вопросу интерпретации равенства как проявления справедливости см.: Лейст. Сущность права: проблемы теории и философии права (М.: Зерцало-М, 2002), 169-71.

²⁵ See DOCT/63-2006/1, *supra* n. 16 at 24

²⁶ Ст. 1(3) Устава ООН; ст. 2(1) Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) (1966 г.); ст. 2(2) и 2(3) Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) (1966 г.); ст. 14 Европейской конвенции

Хотя право на недискриминацию не перечислено среди неотъемлемых прав в статье 4 (1) Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), в этой статье запрещаются отступления от принципов недискриминации. Кроме того, запрет на дискриминацию²⁷ содержится в статье 26 МПГПП, а также в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним. Кроме того, практикой государства в качестве нормы обычного международного права, применяемой во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов, устанавливается запрещение проводить неблагоприятное различие, основанное на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии или вероисповедания, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, рождения или иного статуса или на каких-либо других подобных критериях²⁸. В отличие от ППЧ, в котором, как правило, люди рассматриваются как индивиды, МГП рассматривает людей (раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, военнопленных или гражданских лиц) как «группы», члены которых имеют схожие потребности в гуманитарном плане. Следовательно, предполагается, что ссылка на «права человека в период вооруженных конфликтов»²⁹ применительно как к группам лиц, пользующихся защитой, так и – в соответствующих случаях – к отдельным лицам, должна всегда, в том числе и в практике МККК, сопровождаться ссылкой на принцип недискриминации.

3. Посягательство на жизнь, физическую и психологическую неприкосновенность или достоинство лиц

Вооруженные конфликты ставят под угрозу в первую очередь право на жизнь. Широко известен тот печальный факт, что начиная со времен Второй мировой войны нападения на покровительствуемых лиц

о защите прав человека (ЕКЗПЧ) (1950 г.) и Протокола № 12 к ней (4 ноября 2000 г.); ст. 2 Африканской хартии прав человека и народов (1981 г.); ст. 2 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (КЛВФРД) (1966 г.); ст. 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛВФДОЖ) (1999 г.); ст. 2 (1) Конвенции о правах ребенка (КПР) (1989 г.).

²⁷ См., в частности, общую ст. 3 ЖК; ст. 13 и 16 ЖК III; ст. 75 (1) ДП I; а также ст. 4 (1) ДП II.

²⁸ Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы (МККК, М., 2006), норма 88. С. 393.

²⁹ Это выражение дословно воспроизводит название Резолюции XXIII Международной конференции ООН по правам человека (Тегеран, 12 мая 1968 г.).

стали все чаще происходить во время современных военных действий, что вызывает все большее беспокойство. Как пишет Саммерфилд, «речь идет либо о случаях порожденной безответственностью анархии на поле боя, либо об умышленном распространении террора, использовании принуждения, воздействуя страхом, преднамеренном нарушении основополагающих прав человека, имеющих у гражданского населения. Жестокость, выходящая за пределы человеческого понимания, часто методично применяется, чтобы насадить террор как метод контроля за населением в целом»³⁰. Жизни и здоровью лиц угрожают неизбежные нападения, незаконное использование оружия, суммарные казни, невозможность получить медицинскую помощь в надлежащем объеме – не говоря уже о тех опасностях, которые еще менее контролируемы, таких как инфекционные заболевания или стихийные бедствия.

Помимо того, что они являются серьезными нарушениями прав человека, умышленные посягательства на жизнь, физическую и психологическую неприкосновенность или достоинство лиц, пользующихся защитой, а порой и угрозы прибегнуть к таким актам являются также и военными преступлениями. Таким образом, элементы ряда явных нарушений, перечисленных в руководящем документе ДОСТ/63-2006/1, рассматриваются ниже с сравнительной точки зрения – параллель проводится между МППЧ и МГП.

А. Убийство / уничтожение / суммарные казни и любые иные посягательства на право на жизнь

Право на жизнь является самым основным из прав человека³¹. Его основополагающая сущность отражена в том факте, что оно включено во все списки неотъемлемых прав³², содержащиеся в важнейших договорах в области МППЧ. В соответствии с этими положениями

---

³⁰ Summerfield, 'Assisting Survivors of War and Atrocity: Notes on 'psycho-social' issues for NGO workers', in Commins (ed), Development in States of War, selected articles from Development in Practice (Oxford: Oxfam, 1996) 85 (на английском языке).

³¹ Harris, O'Boyle, and Warbrick, Law of the European Convention on Human Rights (Oxford: OUP), Oxford University Press, 2nd edn by Harris, O'Boyle, Bates and Buckley, forthcoming 2009, at 37. По поводу права на жизнь см. также: O'Boyle, 'The Use of Lethal Force under Article 2 of the European Convention on Human Rights', Council of Europe DH-ED-COLL (90); Ramcharan (ed), The Right to Life in International Law (Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1985).

³² Ст. 4 (2) МППЧ; ст. 15 (2) ЕКЗПЧ; ст. 27 (2) Американской конвенции о правах человека (Пакт Сан-Хосе, Коста-Рика). В Африканской хартии не содержится положений об отступлении от прав человека в случае чрезвычайного положения.

ни в одной чрезвычайной ситуации, в том числе и при вооруженном конфликте, произвольное лишение жизни не является оправданным.

В отличие от других источников МППЧ, в которых такого уточнения не дается, в ЕКЗПЧ в отношении гарантии соблюдения права на жизнь четко указывается, что «это положение не может служить основанием для какого бы то ни было отступления от положений статьи 2, за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий...»³³. Так как «правомерные военные действия» не считаются нарушениями права на жизнь и, следовательно, нарушениями МГП, в силу того что они не являются произвольными, чрезвычайную важность приобретает определение их противоположности – «неправомерных действий». В своем заявлении по этому вопросу Международный Суд ООН высказался следующим образом: «Тем не менее понятие произвольного лишения жизни в таком случае определяется применимым *lex specialis*, а именно правом, применимым в период вооруженного конфликта и предназначенным регулировать порядок ведения военных действий»³⁴. Действия, нарушающие МГП, которые ведут к гибели одного или более человек – и также являются актами произвольного лишения жизни, нарушающими МППЧ, – можно по сути разбить на три категории: i) нападения неизбирательного характера; ii) нападения несоразмерного характера; iii) ненадлежащее применение оружия. Первые две категории охватывают нападения на гражданских лиц, в то время как третья применима в отношении комбатантов (в международных вооруженных конфликтах) или лиц, принимающих участие в военных действиях (в немеждународных вооруженных конфликтах).

МГП запрещает умышленные нападения на гражданских лиц и лиц, которые не принимают участия или прекратили участие в военных действиях. Это правило установлено как норма обычного права, применимая во время как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов³⁵. Следовательно, любое умышленное нарушение этой нормы является преднамеренным убийством. Запрет на убийство гражданских лиц уже содержался в Кодексе Либеры³⁶. В статье 3,

³³ Ст. 15 (2) ЕКЗПЧ (выделено автором).

³⁴ Консультативное заключение МС ООН о правомерности угрозы или применения ядерного оружия (см. выше п. 25).

³⁵ Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 89. С. 397-401.

³⁶ Ст. 23 и 44. Инструкция полевым войскам Соединенных Штатов (Кодекс Либеры).

общей для всех Женевских конвенций, запрещается «посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства», а во всех положениях, охватывающих вопросы серьезных нарушений Конвенций, среди таких нарушений упоминается «преднамеренное убийство»³⁷. Что касается различий в терминологии, как отметил Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), «между терминами «умышленное убийство» и «убийство» не существует различия, которое бы влияло на их смысл»³⁸. Оба термина обозначают одно и то же нарушение МГП и, следовательно, могут использоваться на взаимозаменяемой основе.

Для того чтобы действие или бездействие квалифицировалось как убийство, должна быть установлена связь между смертью жертвы и незаконными действиями нарушителя. Кроме наиболее очевидных случаев, когда результат (смерть жертвы) оказывался незамедлительным и вышеописанная связь была очевидной, следующие действия расценивались как убийство:

- 1) убийство захваченного в плен лица из состава вооруженных сил противника или гражданского жителя оккупированной территории, который подозревается в шпионаже или военной измене, вина которого не была доказана в суде;
  - 2) сокращение пайков военнопленных, ведущее к тому, что они голодают;
  - 3) дурное обращение с военнопленными в нарушение законов и обычаев войны, ведущее к их смерти (например, форсированные марши при недостаточном продовольственном и медицинском обеспечении);
- убийство без справедливого судебного разбирательства³⁹.

---

³⁷ Ст. 50 ЖК I; ст. 51 ЖК II; ст. 130 и 147 ЖК III.

³⁸ The Prosecutor v Zejnir Delalic and Others, Judgment IT-96-21-T (1998), at paras 422-3. Различие между двумя понятиями является чисто лингвистическим. В другом своем решении Судебная камера постановила, что «элементы преступления «убийство» согласно ст. 3 Устава аналогичны элементам «преднамеренного убийства», содержащимся в ст. 2 Устава, за исключением того, что, согласно ст. 3, речь может идти не только о преступлении, направленном против «покровительствуемого лица», но и против лица «не принимающего активного участия в военных действиях» (см.: The Prosecutor v Dario Kordic and Mario Cerkez, Judgment, IT-95-14/2-T (2001), at para. 233.

³⁹ Dörmann (with contributions by Doswald-Beck and Kolb), Elements of War Crimes under the Rome Statute of the International Criminal Court: Sources and Commentary (Cambridge: Cambridge University Press, 2003) at 40 and 41.

В свою очередь, запрет на осуществление нападений, которые, как можно ожидать, попутно повлекут за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам, или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить, также признан как обычная норма МГП, применимая во всех вооруженных конфликтах. Этот принцип основан на обширной практике государств и соответствующих решениях международных судебных органов⁴⁰, закреплён в ДП I⁴¹ и исправленном Протоколе II к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия (1980 г.)⁴². Он также вытекает из принципа гуманности, который в прямой форме упомянут в преамбуле ДП II⁴³. Следовательно, любая смерть, наступившая в результате несоразмерного нападения, должна расцениваться как произвольное лишение жизни, то есть убийство.

Помимо норм, предоставляющих защиту гражданским лицам, МГП также устанавливает нормы защиты комбатантов (или же, если речь идет о немеждународных вооруженных конфликтах, лиц, принимающих непосредственное участие в военных действиях) от нападений, осуществляемых с применением запрещенных видов оружия или оружия, на применение которого наложены ограничения, а также от ненадлежащего применения разрешенных видов оружия⁴⁴. Эта защита проистекает из принципа, восходящего к Санкт-Петербургской декларации 1868 г., заключающегося в том, что запрещается исполь-

⁴⁰ Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 14. С. 59-64.

⁴¹ Статья 51, п. 5, пп. b и st. 57 ДП I.

⁴² Статья 3, п. 8 Протокола о запрещении или ограничении применения мин, миноловушек и других устройств 1996 г. (Протокол III).

⁴³ Bothe, Partsch and Solf (eds), *New Rules for Victims of Armed Conflicts: Commentary on the Two 1977 Protocols Additional to the Geneva Conventions of 1949* (The Hague: Martinus Nijhoff, 1982) at 678.

⁴⁴ Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Нормы 70–76. С. 303–378. В исследовании среди запрещенных видов оружия отдельно выделяются яд, биологическое и химическое оружие, разрывные и разрывные пули, оружие, основное действие которого заключается в нанесении повреждений необнаруживаемыми осколками, мины-ловушки и наземные мины, а также зажигательное и ослепляющее лазерное оружие. Что касается ядерного оружия, то в исследовании приводится ссылка на соответствующее Консультативное заключение МС ООН и не даются дальнейшие комментарии на эту тему – лишь принимается «к сведению мнение Суда» (с. 326).

зовать средства и методы войны, которые способны нанести чрезмерные повреждения, причинить излишние страдания или делают смерть неизбежной. Хотя государства согласны с самим принципом, отсутствует общее определение видов оружия, к которым этот принцип относится. В частности, выдвинут аргумент, что страдание, которое не обусловлено военной необходимостью, нарушает эту норму. Некоторые государства выдвигают идею о том, что необходимо соблюсти баланс между военной необходимостью, с одной стороны, и повреждениями или страданиями, которые, как можно ожидать, будут причинены неприятелю, с другой стороны, и что при этом в случае, если повреждения или страдания будут несоразмерны ожидаемому военному преимуществу, их следует считать чрезмерными. Другая группа государств упоминает в числе критериев оценки того, наносит ли оружие чрезмерные повреждения / причиняет чрезмерные страдания, наличие альтернативных средств нанесения ущерба неприятелю⁴⁵.

В. Попытки и иные виды дурного обращения

Запрет на пытки или иные формы жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания является еще одним основополагающим правом человека, защита которого предусмотрена в МППЧ, в МГП, и международным уголовным правом⁴⁶. Все соответствующие договоры в области прав человека запрещают подобное дурное обращение, так как оно нарушает неотъемлемое право человека, а пытки также нарушают нормы обычного международного права⁴⁷. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания была принята в 1984 г.⁴⁸. Этот запрет, закрепленный уже в Кодексе Либера⁴⁹, был также включен в ЖК⁵⁰ 1949 г., Дополнительные протоколы⁵¹

---

⁴⁵ Там же. С.308.

⁴⁶ МККК использует общий термин «дурное обращение» применительно как к пыткам, так и к иным видам дурного обращения, запрещенным международным правом, включая жестокое, бесчеловечное, унижающее достоинство обращение, посягательства на человеческое достоинство и физическое либо моральное принуждение.

⁴⁷ See Meron, *Human Rights and Humanitarian Norms as Customary Law* (Oxford: Oxford University Press, 1989) at 95ff.

⁴⁸ См.: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml

⁴⁹ Ст. 16 Кодекса Либера.

⁵⁰ Ст. 12 ч. 2 ЖК I; ст. 12 ч. 2 ЖК II; ст. 17 ч. 4, ст. 32, ст. 87 ч. 3 и ст. 89, ЖК III.

⁵¹ Ст.75 п. 2 ДП I; ст. 4 п. 2 ДП II.

к ним, а также в Устав Международного военного трибунала⁵², а впоследствии – в Уставы МТБЮ⁵³, Международного трибунала по Руанде (МУТР)⁵⁴ и Римский статут Международного уголовного суда (Статут МУС)⁵⁵.

Положения указанных выше документов служат доказательством развития юридического понятия пыток с течением времени⁵⁶, соответственно развивалась также судебная практика международных уголовных судов. В делах Делалича и Фурунджия МТБЮ счел, что определение пыток по Конвенции 1984 г. стало частью обычного международного права и в равной степени применимо согласно МПП, тогда как в деле Кунарача (2001 г.) судьи отказались от этой точки зрения. Суд квалифицировал пытки как умышленное причинение в результате действия либо бездействия сильной боли либо страданий, физических или душевных, с целью получить информацию либо признание, или наказать, запугать либо принудить к чему-либо пострадавшее либо третье лицо, или осуществлять дискриминацию по какому-либо признаку в отношении пострадавшего либо третьего лица⁵⁷. Следовательно, суд счел, что участие официального лица в процессе пытки не является обязательным элементом преступления.

В соответствии с применимым международным правом позиция МККК по данному вопросу ясна: организация решительно отвергает идею любого применения пыток и иных форм дурного обращения⁵⁸.

---

⁵² Ст. 6 (b) Устава Международного военного трибунала (1945 г.) (<http://vivovoco.rsl.ru/VV/BOOKS/LEBEDEVA/LAW.HTM>).

⁵³ Ст. 2 (b) и ст. 5 (f) Устава Международного трибунала по бывшей Югославии (1994 г.) <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>.

⁵⁴ Ст. 4 (a) и (e) Устава Международного трибунала по Руанде (1994 г.) <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml>.

⁵⁵ Ст. 7(1) (f); 8 (2) (a) (ii) и (c) (i), Статут МУС (1998 г.) [un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf).

⁵⁶ См., например, в той части, которая касается МППЧ, *Selmouni v France* 1999-V; 29 EHRR 403 at para 101.

⁵⁷ *The Prosecutor v Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vukovic*, Judgment, IT-96-23-T and IT-96-23/1-T (2001 г.), at para. 485.

⁵⁸ См.: К. Дрёге. «Поистине лейтмотив...»: запрещение пыток и других форм дурного обращения в международном гуманитарном праве, *Международный Журнал Красного Креста*, т. 89, № 87, сентябрь 2007 г.; Branche, “Torture of Terrorists? Use of Torture in a “War Against Terrorism”: Justifications, Methods and Effects: the Case of France in Algeria, 1954-1962”, (2007) 89 *International Review of the Red Cross* 543; Reyes, ‘The Worst Scars are in the Mind: Psychological Torture’, (2007) 89 *International Review of the Red Cross* 591; Sivakumaran, ‘Torture in International Human Rights and

Учитывая, что ценность, заложенная в уважении человеческого достоинства, намного превосходит любые аргументы, которые приводятся в оправдание пыток, организация рассматривает запрет на пытки, содержащийся в международном праве, как абсолютный и не допускающий совершенно никаких исключений. Позиция МККК по вопросу пыток и иных форм дурного обращения принимает во внимание следующие факторы и аргументы⁵⁹:

- 1) во-первых, споры вокруг понятия «порога» пыток. Те, кто выступает за применение определенных форм дурного обращения, регулярно ставят под вопрос определение пыток, сужая его и ограничивая его нанесением тяжких телесных повреждений. Они заявляют или подразумевают, что действия, которые не влекут повреждений такой степени тяжести, то есть не достигают «порога», обозначенного в этом узком определении, правомерны и разрешены. Однако стандарты, согласованные на международном уровне, гораздо жестче, когда речь идет об определении действий, которые являются гуманными и законными и которые таковыми не являются. Международное право (равно как и законодательство большинства стран) запрещает такой широкий спектр действий, как посягательства на личное достоинство; посягательства на жизнь, здоровье и благополучие; любые формы нападения, сопряженные с непристойными действиями; любую степень жестокости; жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание; физическое или моральное принуждение; запугивание; нанесение увечий или любая форма телесного наказания;
- 2) во-вторых, те, кто выступает за применение дурного обращения, перечисляют разрешенные методы, исключая при этом другие. Однако простого составления списка методов, которые разрешены или запрещены, недостаточно, чтобы определить, имело ли место дурное обращение. Методы должны оцениваться с учетом всех обстоятельств, при которых они применяются. Последствия дурного обращения могут быть

International Humanitarian Law: The Actor and the Ad Hoc Tribunals', (2005) 18 Leiden Journal of International Law 541.

⁵⁹ См.: Aeschlimann, 'Torture: the need to move forward', available at: [http://www.icrc.org. Web/Eng/siteeng0.nsf/html/torture-editorial-240605](http://www.icrc.org/Web/Eng/siteeng0.nsf/html/torture-editorial-240605) [last accessed 2 February 2009].

разными в зависимости от душевного здоровья, физических сил, культурного фона, возраста, пола пострадавшего лица и обстоятельств, в которых имеет место дурное обращение. Другие факторы, такие как период времени, в течение которого применяется тот или иной метод, и их сочетание также имеют значение. В одних случаях одно-единственное действие может стать пыткой. В других дурное обращение может явиться результатом ряда методов, применяемых на протяжении продолжительного периода, которые, если их рассматривать по отдельности и вне контекста, могут показаться безобидными;

- 3) в-третьих, степень страдания, которые причиняет дурное обращение, часто приуменьшается. Последствия пыток и иных форм дурного обращения могут быть исключительно психологическими или же как физическими, так и психологическими. Эксперты утверждают, что психологический вред, причиняемый дурным обращением, часто превосходит физическую боль. Последствия для психики человека, вынужденного наблюдать за тем, как пыткам подвергается член его семьи, или человека, подвергающегося сексуальному насилию, могут быть столь же травмирующими, сколь и для его физического состояния, или даже в большей степени;
- 4) наконец, сторонники ограниченного применения пыток часто играют на чувстве обеспокоенности общественности ситуацией в сфере безопасности, чтобы оправдать применение дурного обращения во время допросов. Речь идет о так называемом аргументе «бомбы замедленного действия». Однако многие эксперты ставят под вопрос ценность информации, полученной под пыткой или вследствие применения иных форм дурного обращения. Более того, чувства унижения и обиды, которые отдельные люди и целые сообщества испытывают в результате такого обращения, могут привести к эскалации насилия. В прошлом в тех случаях, когда пытки допускались, это создавало атмосферу, в которой запрет на них оказывался ослабленным и в конечном итоге подорванным. Для того чтобы не становиться на этот скользкий путь, следует неукоснительно соблюдать полный запрет на пытки.

Принципиальные аргументы МККК в пользу неприемлемости пыток⁶⁰ можно кратко изложить следующим образом.

- 1) Пытки и дурное обращение нарушают основополагающие принципы гуманности и уважения человеческой жизни и достоинства, которые должны соблюдаться при любых обстоятельствах.
- 2) Пытки и дурное обращение запрещаются везде и всегда. Это одно из основных положений как международного, так и национального законодательства.
- 3) Страдания, причиняемые пытками и иными формами дурного обращения, могут иметь весьма тяжелые последствия для лиц, которые им подверглись, причем эти последствия могут не прекращаться годами. Физический и психический вред, причиненный этим лицам, может быть таковым, что им потребуется долгосрочная реабилитация.
- 4) Имидж государства, в котором применяется дурное обращение, на международной арене, вероятнее всего, пострадает, что повлияет на авторитет государства и его возможность устанавливать отношения с другими государствами.
- 5) Применение пыток и других форм дурного обращения может отрицательно сказаться на готовности населения сотрудничать с властями. Применение дурного обращения может даже ослабить позиции тех, кто его применяет, разжигая недовольство и обиду среди тех, кого пытаются таким образом обуздать.
- 6) Любое применение пыток и иных форм дурного обращения подрывает почву под запретом этой практики, что может повлечь за собой более широкое ее применение.
- 7) Специалисты расходятся во мнениях относительно эффективности пыток и иных форм дурного обращения и выражают серьезные сомнения в ценности полученной таким образом информации.

---

⁶⁰ «МККК признает применение пыток и других форм жестокого обращения недопустимым ни при каких обстоятельствах. МККК считает, что принцип уважения человеческой жизни и достоинства категорически отвергает возможность использования методов жестокого обращения»: в статье «Какова позиция МККК по вопросу применения пыток и других форм жестокого обращения?» (<http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/html/6DKFFN>).

Соответственно, МККК стремится предотвратить пытки и положить конец пыткам и всем иным видам дурного обращения, осуществляя с этой целью деятельность в области предоставления защиты различным категориям населения. В частности, у МККК имеется мандат на посещение военнопленных (в эту категорию могут входить так называемые «незаконные комбатанты», захваченные в плен в ходе вооруженных конфликтов, связанных с «войной против терроризма»), интернированных гражданских лиц и так называемых лиц, содержащихся под стражей по соображениям безопасности. Посещения проводятся с целью мониторинга условий их содержания под стражей (интернирования) и обращения с ними⁶¹. По итогам этих посещений МККК ведет с властями конфиденциальный диалог, целью которого является обеспечение гуманного обращения с лицами, содержащимися под стражей. При необходимости МККК ведет диалог с администрацией пенитенциарных учреждений, с тем чтобы она провела расследование случаев пыток и дурного обращения, которые, согласно поступившим заявлениям, имели место, и, если они действительно имели место, наказали виновных и приняли меры для предотвращения повторения таких случаев в будущем.

Учитывая, что такие преступления распространены как во время международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов, МККК также ведет активную деятельность, направленную на предотвращение конкретных видов дурного обращения, таких как нанесение увечий, незаконные медицинские или научные эксперименты⁶², изнасилование и иные формы насилия на сексуальной почве⁶³.

Наконец, МККК считает важным принцип невыдворения, который запрещает передавать лицо в то место, где оно может быть подвергнуто пыткам или иному виду дурного обращения⁶⁴. Этот принцип про-

---

⁶¹ См.: Pejic, 'Procedural Principles and Safeguards for Internment/Administrative Detention in Armed Conflict and Other Situations of Violence', (2005) 87 International Review of the Red Cross 375.

⁶² Жан-Мари Хенкерте и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 92, с. 409-412. См. также Grodin and Annas, 'Physicians and Torture: Lessons from Nazi Doctors', (2007) 89 International Review of the Red Cross 635.

⁶³ Жан-Мари Хенкерте и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 93, С. 412-417. По вопросу сексуального насилия во время вооруженных конфликтов см. Quénivet, *Sexual Offenses in Armed Conflict and International Law* (New York: Transnational Publishers, 2005).

⁶⁴ На этот принцип также можно сослаться в связи с нарушениями права искать убежища в другой стране и возвращаться в страну происхождения, которые перечислены

чно укоренен в МППЧ⁶⁵. МККК сталкивается с вопросами, имеющими отношение к принципу невыдворения, в различных ситуациях. В частности, это происходит в случаях посещения лиц, лишенных свободы в связи с вооруженным конфликтом, в том числе и непосредственно перед их освобождением и репатриацией: если они выражают обеспокоенность в связи с возвращением на родину, МККК доводит вызывающие озабоченность вопросы до сведения удерживающих властей и напоминает им об их обязательствах, вытекающих из соблюдения принципа невыдворения⁶⁶.

С. Негуманные условия содержания под стражей и/или условия, не отвечающие международно признанным стандартам

Согласно МППЧ, ненадлежащие условия содержания под стражей могут расцениваться как негуманное или унижающее достоинство обращение⁶⁷. Норма, предусматривающая надлежащие условия содержания, в том числе обеспечение продовольствием и водой, для военнопленных, давно существует в МГП – она упоминается в Кодексе Либера⁶⁸, Брюссельской декларации⁶⁹ и Оксфордском руководстве⁷⁰. Эта норма также была включена в статью 7 Гаагского положения и статьи 25–32 Третьей Женевской конвенции. Положения статей 76,

---

в руководящем документе ДОСТ/63-2006/1 под номером 16 и отнесены к нарушениям норм, связанных с передвижением.

⁶⁵ См. ст. 3 Конвенции против пыток и дело *Soering v UK* A161 (1989); 11 EHRR 43.

⁶⁶ См. следующее заявление Жияра: «Международное гуманитарное право, право беженцев и право прав человека являются взаимодополняемыми отраслями права, которые призваны служить общей цели – защите жизни, здоровья и достоинства людей. Они составляют сложную структуру взаимодополняемых гарантий защиты, и принципиально важно, чтобы мы поняли взаимосвязь между ними». Заявление на Всемирной конференции судей, специализирующихся в области права беженцев, которая прошла в Стокгольме 21-23 апреля 2005 г. (см. Statement at the International Association of Refugee Law Judges World Conference, Stockholm, 21-23 April 2005 <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/6t7g86?opendocument>).

⁶⁷ См.: Rodley, *The Treatment of Prisoners in International Law*, 2nd edn (Oxford: Clarendon Press, 1999) at chapter 9.

⁶⁸ См. ст. 76 Кодекса Либера.

⁶⁹ Ст. 27 Проекта Международной декларации о законах и обычаях войны (Брюссельской декларации). Военный сборник, 1875. № 2. С. 153–160.

⁷⁰ Ст. 69 Руководства, принятого Институтом международного права (Оксфордское руководство), Оксфорд, 9 сентября 1880 г. (см. Schindler and Toman (eds), *The Laws of Armed Conflicts: A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents*, 3rd edn (The Hague: Martinus Nijhoff, 2004) at 238).

85, 87, 89–92 и 142 Четвертой Женевской конвенции распространили действие этой нормы также и на гражданских лиц, лишенных свободы в связи с международным вооруженным конфликтом.

Сегодня в рамках посещений лагерей для военнопленных, лагерей для интернированных гражданских лиц и мест содержания под стражей МККК осуществляет мониторинг условий содержания и, при необходимости, дает рекомендации по их улучшению. Как сказал президент МККК Якоб Келленбергер:

«Условия, в которых содержатся заключенные, могут сами по себе стать показателем того, насколько гуманно с ними обращаются. Лицам, лишенным свободы, должны быть созданы надлежащие условия содержания, включая нормальное питание и доступ к питьевой воде, приемлемые санитарно-гигиенические условия, квалифицированное медицинское обслуживание и возможность достаточного по продолжительности пребывания на свежем воздухе. Условия содержания во многих странах мира по-прежнему остаются крайне неудовлетворительными и даже опасными для жизни. МККК отмечает ухудшение условий в учреждениях содержания под стражей в последние годы. Удерживающие власти, вероятно, не имеют возможности обеспечить удовлетворительные условия содержания заключенных. или им недостает для этого политической воли. Государства должны немедленно приступить к решению этих серьезных проблем, а международное сообщество, организации, занимающиеся вопросами развития, и финансовые учреждения – оказать им необходимую поддержку.

Среди задержанных существуют такие группы лиц, совершение насилия в отношении которых наиболее вероятно. По этой причине они нуждаются в особой защите. Государства должны принимать меры по защите женщин, находящихся в учреждениях содержания под стражей, от изнасилований, принуждения к занятию проституцией и других проявлений сексуального насилия. Следует уделять особое внимание вопросам питания и медицинского обслуживания беременных женщин, а также детей, находящихся в местах содержания под стражей со своими матерями. Необходимо также учитывать особые потребности несовершеннолетних, представителей этнических меньшинств, пожилых и немощных граждан»⁷¹.

---

⁷¹ Выступление президента МККК Якоба Келленбергера на 61-й сессии Комиссии ООН по правам человека, 16 марта 2005 г. (http://www.icrc.org/web/rus/siterus0.nsf/htmlall/6B6FZT?OpenDocument&style=custo_print)

В соответствии с этим заявлением МККК на практике обращается к вопросам соблюдения следующих обычных норм МГП, целью которых является обеспечение прав и защиты лиц, лишенных свободы в условиях международных и немеждународных вооруженных конфликтов:

- 1) лицам, лишенным свободы, должны предоставляться кров, а также продовольствие и вода в достаточном количестве и соответствующая медицинская помощь⁷²;
- 2) женщины, лишенные свободы, должны содержаться в помещениях, отдельных от помещений, предназначенных для мужчин, за исключением случаев, когда семьи содержатся вместе; женщины должны находиться под непосредственным надзором женщин⁷³;
- 3) дети, лишенные свободы, должны содержаться в помещениях, отдельных от помещений для взрослых, за исключением случаев, когда семьи содержатся вместе⁷⁴;
- 4) лица, лишенные свободы, должны содержаться в помещениях, находящихся достаточно далеко от зоны военных действий и предоставляющих гарантию в отношении здоровья и гигиены⁷⁵;
- 5) запрещено отнимать у лиц, лишенных свободы, их личные вещи⁷⁶;
- 6) личные данные лиц, лишенных свободы, должны быть зарегистрированы⁷⁷;
- 7) во время международных вооруженных конфликтов МККК должен регулярно предоставляться доступ ко всем лицам, лишенным свободы, для того, чтобы проверить условия их содержания и восстановить связь между этими лицами и их семьями⁷⁸;

---

⁷² Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 118. С. 546. Кроме этого, право на получение крова, продовольствия и воды в достаточном количестве, а также соответствующей одежды, медицинской помощи и иных предметов, необходимых для выживания, упомянуто в руководящем документе ДОСТ/63-2006/1 применительно к ситуациям оккупации.

⁷³ Там же, норма 119. С. 550.

⁷⁴ Там же, норма 120. С. 552.

⁷⁵ Там же, норма 121. С. 555.

⁷⁶ Там же, норма 122. С. 557.

⁷⁷ Там же, норма 123. С. 560.

⁷⁸ Там же, норма 124 (А) . С. 563.

- 8) во время немеждународных вооруженных конфликтов МККК может предложить свои услуги сторонам в конфликте, с тем чтобы провести посещения всех лиц, лишенных свободы по причинам, связанным с конфликтом, с целью проверить условия их содержания и восстановить связь между этими лицами и их семьями⁷⁹;
- 9) лицам, лишенным свободы, должно быть разрешено переписываться с их семьями при соблюдении разумных условий, связанных с частотой переписки и необходимостью цензуры со стороны властей⁸⁰;
- 10) гражданским интернированным лицам и лицам, лишенным свободы в связи с немеждународным вооруженным конфликтом, должны быть разрешены, насколько это практически возможно, свидания, особенно с близкими родственниками⁸¹;
- 11) личные убеждения и религиозная практика лиц, лишенных свободы, должны уважаться⁸²;
- 12) военнопленные должны быть незамедлительно освобождены и репатриированы после окончания активных военных действий⁸³;
- 13) гражданские интернированные лица должны быть освобождены сразу же, как только прекратится действие причин, обусловивших их интернирование, но самое позднее – в кратчайшие по возможности сроки после окончания активных военных действий⁸⁴;
- 14) лица, лишенные свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом немеждународного характера, должны быть освобождены сразу же, как только прекратится действие причин, обусловивших лишение свободы⁸⁵.

---

⁷⁹ Там же, норма 124 (В) . С. 564.

⁸⁰ Там же, норма 125. С. 568.

⁸¹ Там же, норма 126. С. 571.

⁸² Там же, норма 127. С. 573. Запрещение необоснованно ограничивать право военнопленных отправлять их религиозные обряды также содержится в руководящем документе ДОСТ/63-2006/1 применительно к ситуации оккупации. См. там же, норма 104.

⁸³ Там же, норма 128 (А). С. 575. Нормы, перечисленные в сносках 83–85, связаны с освобождением лиц, содержащихся под стражей, но для удобства отнесены к условиям содержания.

⁸⁴ Там же, норма 128 (В) . С. 575.

⁸⁵ Там же, норма 128 (С) . С. 575. Следует также отметить, что нормы 125-8 упоминаются и в руководящем документе ДОСТ/63-2006/1 в связи с нарушениями целостности

4. Нарушение надлежащей правовой процедуры

Гарантии надлежащей правовой процедуры, которые играют важнейшую роль в МППЧ, также составляют основу МГП как свода правовых норм, имеющих защитное действие. В чрезвычайных обстоятельствах вооруженного конфликта очень важно, чтобы существовала база для компетентного и, насколько это возможно, беспристрастного судебного пересмотра принятых решений, а также возможность для лиц, пользующихся защитой в соответствии с МГП, довести обстоятельства своего конкретного случая до соответствующих органов власти, с тем чтобы последние приняли во внимание их аргументы. МККК придает особое значение двум аспектам надлежащей правовой процедуры: возможности судебного пересмотра оснований для содержания под стражей и соблюдение правовых и иных процессуальных гарантий.

А. Произвольный или незаконный арест или задержание (включая тайное содержание под стражей или содержание под стражей без разглашения информации о месте содержания)

Произвольное содержание под стражей запрещено договорами в области прав человека⁸⁶ и МГП⁸⁷. В МГП определяются основания для содержания под стражей и указываются соответствующие процедуры как для международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов, а в праве прав человека защита лиц, содержащихся под стражей, находит дальнейшее закрепление, так как в судебной практике его контрольных органов уточняется понятие «произвольное» или «незаконное содержание под стражей»⁸⁸ и прописываются дальнейшие защитные меры. Оба этих аспекта будут вкратце освещены ниже.

семьи.

⁸⁶ Ст. 9 ВДПЧ, ст. 9 (1) МППП, ст. 5 ЕКПЧ, ст. 7 (3) Американской конвенции, ст. 6 Африканской хартии.

⁸⁷ Жан-Мари Хенкертс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 99. С. 439.

⁸⁸ Как правило, если для ареста или задержания не имеется правовых оснований, они рассматриваются как произвольные (например, содержание под стражей после истечения вынесенного ранее приговора или содержание под стражей вследствие несоблюдения судебных или иных процессуальных гарантий). Арест или задержание может быть законным по национальному законодательству, но при этом все равно рассматриваться как произвольное, если оно несоразмерно по отношению к достижению правомерной цели, служащей общественным интересам. В целом понятие «произвольный» в отношении ареста или задержания «считается шире, нежели

В условиях международных вооруженных конфликтов лица могут законно содержаться под стражей на обозначенных в четырех ЖК основаниях, которые излагаются ниже.

- 1) В Первой Женевской конвенции регулируются вопросы, касающиеся содержания под стражей или задержания медицинского и духовного персонала в связи с вооруженным конфликтом⁸⁹;
- 2) Во Второй Женевской конвенции регулируются вопросы, связанные с содержанием под стражей или задержанием медицинского и духовного персонала госпитальных судов⁹⁰.
- 3) В Третьей Женевской конвенции определяются условия, при которых военнопленные могут быть интернированы на время активных военных действий⁹¹, а также рассматриваются вопросы, связанные с дисциплинарными санкциями, судебными расследованиями и репатриацией тяжело раненных или больных военнопленных⁹²;
- 4) Согласно положениям Четвертой Женевской конвенции, единственным основанием для интернирования или принудительного поселения покровительствуемых лиц в определенном месте может служить то, что это совершенно необходимо для безопасности державы, во власти которой они находятся, или оккупирующей державы⁹³. В деле Делалича МТБЮ истолковал статью 42 в том смысле, что она разрешает интернирование только при наличии «серьезных и правомерных» оснований полагать, что лица, которые интернируются, могут представлять серьезную угрозу для безопасности державы, во власти которой они находятся, занимаясь, например, саботажем или шпионажем⁹⁴.

понятие «незаконный». См., например: *Albert Womah Mukong v Cameroon* (458/1991), CCPR/C/51/D/458/1991; 2 IHRR 131 (1994) at 12.

⁸⁹ Ст. 28, 30 и 32 ЖК I.

⁹⁰ Ст. 36 и 37 ЖК II.

⁹¹ Ст. 21 и 118 ЖК III.

⁹² Ст. 90, 95, 103 и 109 ЖК .

⁹³ Ст. 42 и 78 ЖК IV.

⁹⁴ *The Prosecutor v Zejnil Delalic, Zdravko Mucic also known as “Pavo”, Hazim Delic Esad Landzo also known as “Zenga”, Judgment*, IT-96-21-A (2001), at paras 576 and 577. По вопросам других ограничений, связанных с содержанием под стражей, содержащихся в МПТ, см. сноски 83–85.

Что касается немеждународных вооруженных конфликтов, основания для содержания под стражей определяются в соответствии с национальным законодательством (в первую очередь военными уставами и наставлениями, административным и уголовным правом и процедурами), а также с международными договорами в области прав человека⁹⁵.

С 1949 г. право прав человека сделало важный шаг вперед (в особенности это касается судебной практики его контрольных органов) в отношении процедур, необходимых для предотвращения произвольного лишения свободы. В частности, МППЧ устанавливает обязательство информировать арестованное или задержанное лицо о причинах ареста или задержания на языке, который он или она понимает (i); обязательство незамедлительно доставить к судье лицо, арестованное по уголовному обвинению (ii); обязательство предоставить лицу, лишённому свободы, возможность оспорить законность содержания под стражей (iii). Хотя обязательства i) и ii) не указаны как неотъемлемые ни в международных, ни в региональных договорах в области прав человека, из соответствующей судебной практики следует, что их действие ни при каких обстоятельствах не может быть полностью приостановлено; отступления от обязательства ii) невозможны⁹⁶.

В. Несоблюдение процессуальных или иных гарантий

Требование соблюдения судебных и иных процессуальных гарантий означает в первую очередь соблюдение права на справедливое судебное разбирательство. Право на справедливое судебное разбирательство является основополагающим правом человека, прописанным во всех основных источниках МГП⁹⁷, а также в обязательных к исполнению и декларативных документах в области МППЧ⁹⁸. Нарушение права покровительствуемого лица на справедливое судебное разбирательство наказуемо как деяние, являющееся серьезным нарушением

---

⁹⁵ Более подробно вопрос освещен в: Жан-Мари Хенкергс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 99. С. 443.

⁹⁶ Там же. С. 445-6 и 447-8.

⁹⁷ Ст. 49 ч. 4 ЖК I; ст. 50 ч. 4 ЖК II; ст. 102-8 ЖК III; ст. 5 и ст. 66-75 ЖК IV; ст. 71 п. 1 и ст. 75 п. 4 ДП I; ст. 6 п. 2 ДП II; ст. 17 п. 2 Второго протокола (1999 г.) к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

⁹⁸ Ст. 41 п. 1 МППП; ст. 40 (2) (b) (iii) КПП; ст. 6 (1) ЕКПЧ; ст. 8 (1) Американской конвенции; ст. 7 Африканской хартии; ст. 18 ВДПЧ; ст. 19 (е) Каирской декларации о правах человека в исламе 1990 г. (http://www.ciet.org.ua/docs/sbornik/507-509_3_4_1990.doc) и ст. 47 Хартии основных прав Европейского союза (2000 г.) (<http://www.portalzakona.ru/zakonoproekti/vtoroe51700chtenie.html>)

ем по смыслу положений Третьей и Четвертой ЖК и ДП I⁹⁹. Статья 3, общая для всех Женевских конвенций, запрещает при немеждународных вооруженных конфликтах вынесение или приведение в исполнение приговора без предварительного разбирательства в надлежащем образом учрежденном суде. Лишение права на беспристрастное судебное разбирательство также квалифицируется как военное преступление в Статуте МУС, Уставах МТБЮ, МУТР и Специального суда по Сьерра-Леоне¹⁰⁰. С другой стороны, это право указано в тех же самых источниках как одна из процессуальных гарантий, которые предоставляются лицам, предстающим перед этими судами¹⁰¹.

Право на беспристрастное судебное разбирательство является по своей природе составным. Оно включает в себя ряд конкретных процессуальных элементов, которые уравнивают друг друга, – предполагается, что их сочетание в своей совокупности позволит обеспечить лицу, которое вовлечено в административный или уголовный (реже – гражданский) процесс, судебную процедуру, которая по большей части будет справедливой и обоснованной. Считается, что это право включает в себя как минимум следующие компоненты¹⁰²:

- 1) судебное разбирательство в независимом, беспристрастном и надлежащем образом учрежденном суде;
- 2) презумпция невиновности и наличие основных требований к предъявляемым доказательствам;
- 3) безотлагательное информирование обвиняемого о характере и причинах предъявляемого ему обвинения;
- 4) необходимые права на защиту и средства защиты;
- 5) личная (индивидуальная) уголовная ответственность¹⁰³;
- 6) проведение суда без неоправданной задержки;

---

⁹⁹ Ст. 130 ЖК III; ст. 147 ЖК III и ст. 85, п.4, пп. е ДП I.

¹⁰⁰ Ст. 8 (2) (а) (vi) и ст.8 (2) (с) (iv) Статута МУС; ст. 2 (f) Устава МТБЮ; ст. 20 (2) Устава МУТР; ст. 17 (2) Устава Специального суда по Сьерра-Леоне.

¹⁰¹ Ст. 67 (1) Статута МУС; ст. 21 (2) Устава МТБЮ; ст. 20 (2) Устава МУТР; ст. 17 (2) Специального суда по Сьерра-Леоне.

¹⁰² Более подробно этот вопрос освещается в: Жан-Мари Хенкеркс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 100. С. 450–473. По вопросу осуществления гарантий справедливого судебного разбирательства в условиях немеждународных вооруженных конфликтов см.: Sayarin, 'The Application of the Fair Trial Guarantees to Alleged Terrorists in Non-International Armed Conflicts', (2004) 3 Humanita res Vo»lkerrecht - Informationsschriften 152 at 157-9.

¹⁰³ Жан-Мари Хенкеркс и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Норма 102. С. 476-77.

- 7) допрос свидетелей обвиняемым;
- 8) право на помощь переводчика;
- 9) присутствие обвиняемого на суде;
- 10) запрещение принуждения обвиняемых к даче показаний против самих себя или к признанию себя виновными;
- 11) открытое судебное разбирательство;
- 12) уведомление осужденных об имеющихся у них средствах судебной защиты и сроке их использования;
- 13) non bis in idem.

Признавая важность права на беспристрастное судебное разбирательство для сохранения целостности и достоинства человеческой личности, МККК сделал ряд официальных заявлений по этому вопросу, в том числе по случаю учреждения МУС и по случаю 30-й годовщины ДП 1977 года к ЖК¹⁰⁴.

5. Нарушение норм, связанных с передвижением

Произвольные перемещения лиц или произвольное изгнание

Как международные, так и основные региональные договоры в области права прав человека устанавливают нормы, регулирующие свободу передвижения и свободу выбора местожительства¹⁰⁵. Кроме того, они также ограничивают возможность государств на законных основаниях высылать со своей территории иностранцев¹⁰⁶. В отличие от большинства положений права прав человека, проанализированных выше, данные нормы не являются неотъемлемыми и могут быть в разумных пределах ограничены в случае чрезвычайной ситуации в государстве.

---

¹⁰⁴ См. например: «Учреждение Международного уголовного суда», 52-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, Шестой комитет, пункт повестки дня 150; и заявление МККК, сделанное в Нью-Йорке 23 октября 1997 г. (см. <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/>); «Учреждение Международного уголовного суда» – заявление МККК на 56-й Генеральной Ассамблее ООН, Нью-Йорк, 12 ноября 2001 г., 57jnsj?opendocument – на английском языке); <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/57rc4k?opendocument>; «Право войны выдержало серьезное испытание временем» – редакционная статья Филиппа Шперри, директора Управления международного права и сотрудничества внутри Движения, МККК, от 1 июня 2007 г. (<http://www.icrc.org/Web/rus/siterus0.nsf/iwpList99/1214252548B1EA6FC32572F1004A0603>).

¹⁰⁵ Ст. 12 МПГПП; ст. 2 и ст. 3 Протокола № 4 к ЕКПЧ; ст. 22 Американской конвенции; ст. 12 Африканской хартии.

¹⁰⁶ Ст. 13 МПГПП; ст. 4 Протокола к ЕКПЧ; пп. 5 и 9 ст. 22 Американской конвенции; ст. 12 (5) Африканской хартии.

Однако по сути эти нормы ППЧ совпадают с нормами МГП, так как запрещение депортации или насильственного перемещения гражданских лиц издавна считается серьезным нарушением законов и обычаев войны. Это запрещение содержится уже в Кодексе Либера, в котором указывалось, что «частных лиц... не увозят против их воли в дальние края»¹⁰⁷. В Уставе Нюрнбергского трибунала «увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории» квалифицировался как военное преступление¹⁰⁸. Позднее, в Четвертой Женевской конвенции и ДП I к ней¹⁰⁹, депортирование или перемещение гражданского населения оккупированной территории по причинам иным, нежели безопасность данного населения или настоятельная военная необходимость, было квалифицировано как серьезное нарушение. Согласно Статуту МУС, «перемещение, прямо или косвенно, оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию, или депортация или перемещение части населения оккупируемой территории в пределах границ или за пределы этой территории» квалифицируется как военное преступление при международных вооруженных конфликтах¹¹⁰.

Применительно к немеждународным вооруженным конфликтам используется несколько другая терминология: ДП II запрещает «перемещение» гражданского населения¹¹¹. Это же запрещение, только сформулированное языком международного уголовного права, содержится в статье 8 (2) (e) (viii) Статута МУС. Кроме того, следует отметить, что депортация или перемещение гражданского населения является преступлением против человечности по смыслу Уставов МТБЮ и МУТР, а также Статута МУС¹¹².

Явное отступление от запрета на перемещение гражданских лиц, которое применяется в случаях, где под угрозу поставлена безопасность гражданских лиц или существуют настоятельные причины военной необходимости, – эвакуация. Это отступление от запрета действует до тех пор, пока существуют причины, которыми оно вызвано, согласно положениям МГП. Данное отступление от нормы прописано

---

¹⁰⁷ Ст. 23 Кодекса Либера.

¹⁰⁸ Ст. 6 (b) Устава МВТ.

¹⁰⁹ Ст. 147 ЖК IV; ст. 85, п. 4, пп. а ДП I.

¹¹⁰ Ст. 8 (2) (b) (viii) Статута МУС.

¹¹¹ Ст. 17, п.1 ДП II.

¹¹² Ст. 5 (d) Устава МТБЮ; ст. 3 (d) Устава МУТР; ст. 7 (1) (d) Статута МУС.

в Четвертой Женевской конвенции и ДП II¹¹³. Возможность эвакуации предусмотрена также во многих наставлениях для ВС и в законодательстве многих государств¹¹⁴.

Позиция МККК по вопросу депортации и перемещения гражданского населения в полном объеме учитывает применимые нормы МГП. Ее можно обобщить следующим образом¹¹⁵:

- 1) вооруженные конфликты являются одной из основных причин перемещения гражданских лиц;
- 2) МККК рассматривает лиц, перемещенных внутри страны (ВПЛ) в первую очередь как гражданских лиц. В этом качестве ВПЛ пользуются защитой МГП и являются одной из основных категорий лиц, подпадающих под действие мандата МККК. В соответствии с принципом беспристрастности МККК уделяет первоочередное внимание лицам, находящимся в наиболее уязвимом положении;
- 3) МГП, положения которого являются юридически обязательными к исполнению как для государств, так и для негосударственных акторов, является действенным инструментом для решения большинства проблем, связанных с перемещением внутри страны в ситуациях вооруженного конфликта;
- 4) МККК содействовал разработке «Руководящих принципов по вопросу о перемещении лиц внутри страны»¹¹⁶ (инициатива Франсиса Денга, представителя Генерального секретаря по вопросу о внутренне перемещенных лицах) и оказывает содействие при их распространении и использовании;
- 5) основная ответственность за решение проблем, связанных с перемещением лиц внутри страны, и за предоставление защиты и помощи ВПЛ лежит на органах власти государств;

---

¹¹³ Ст. 49 ч. 2 ЖК IV; ст. 17 п. 1 ДП II.

¹¹⁴ Жан-Мари Хенкерте и Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. Том I. Нормы. Норма 129. С. 587-9.

¹¹⁵ См.: 'War and displacement: key points. Respecting the rights of civilian populations in armed conflict and other situations of violence is the best prevention against displacement. No affected person should be left unattended and all should benefit from protection and assistance in accordance with their needs', 16 March 2007, available at: <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/5dhd4v?opendocument> (на англ. яз.)

¹¹⁶ См.: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/instree/RGuidingPrinciplesonInternalDisplacement.html>

- 6) МККК стремится сохранить условия, способствующие тому, чтобы люди оставались в своих домах, обеспечить защиту тем лицам, которые были вынуждены покинуть свои дома, и при необходимости содействовать их возвращению. Чтобы удовлетворить потребности пострадавших, МККК ведет конфиденциальный диалог со всеми сторонами в конфликте;
- 7) будучи одной из крупнейших гуманитарных организаций, работающих с ВПЛ, МККК стремится улучшить основанную на принципе взаимодополняемости координацию практической деятельности между составными частями Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, ООН и неправительственными организациями, выполняя в то же время свою роль нейтрального и независимого посредника в ситуациях вооруженного конфликта.

Более недавний пример: МККК приветствовал принятие Рекомендаций по вопросу о перемещении внутри страны населения в случае вооруженного конфликта, которое состоялось на десятом семинаре, проведенном совместно с Департаментом по политическим вопросам Комиссии Африканского Союза 27 мая 2008 г.¹¹⁷ На семинаре были подробно рассмотрены такие вопросы, как правовая база и мандат международных правительственных и неправительственных организаций, ведущих деятельность в пользу ВПЛ, а также наиболее действенные способы добиться того, чтобы оперативная деятельность наилучшим образом удовлетворяла имеющиеся потребности в области защиты и помощи. По итогам работы семинара были сделаны следующие выводы:

- i. Правовая база, разработанная на международном, региональном и национальном уровне, должна лежать в основе любого политического и практического решения проблем, с которыми сталкиваются лица, перемещенные внутри страны, а также и сообщества, принимающие ВПЛ.
- ii. Наилучшим методом решения проблемы перемещения является превентивная деятельность. Участники семинара подчеркнули важность того, чтобы государства – члены Африканского Союза приняли меры для того, чтобы повысить эффективность действий, направленных на достижение этой цели.

---

¹¹⁷ См.: <http://www.icrc.org/web/eng/siteeng0.nsf/htmlall/7g8hjy?opendocument>.

- iii. Насильственного перемещения лиц следует избегать, как этого требует международное право, за исключением случаев, когда оно вызвано соображениями настоятельной военной необходимости или защиты самих гражданских лиц.
- iv. Важно, чтобы в будущей Конвенции о предоставлении защиты и помощи лицам, перемещенным внутри своих стран в Африке, сохранялись и укреплялись уже действующие нормы международного права, действующие в отношении перемещения внутри страны.
- v. Основная ответственность за решение проблем, вызванных перемещением внутри страны, и за обеспечение защиты и помощи ВПЛ лежит на сторонах в конфликте, так как большинство этих лиц являются гражданами стран, в пределах территории которых они оказались перемещены.
- vi. Трудности, с которыми сталкиваются ВПЛ, следует рассматривать в более широком контексте трудностей, которые испытывает все население, затронутое этим феноменом, признавая при этом, что у ВПЛ имеются особые насущные потребности гуманитарного характера, а также потребности в защите и что их перемещение может иметь серьезные последствия для принимающего их населения. Следовательно, государства – члены Африканского Союза и иные субъекты гуманитарной деятельности должны при решении проблем, связанных с перемещением лиц внутри страны, применять комплексный подход, учитывая насущные потребности как перемещенных лиц, так и принимающего их населения.
- vii. Все меры, принимаемые для оказания помощи перемещенным лицам, должны определяться на основе оценки потребностей этих лиц, учитывающей потребности как в области защиты, так и в области помощи. Это необходимо, чтобы принять надлежащие меры, исходя из конкретных выявленных потребностей.
- viii. Ввиду масштабного характера проблемы перемещения внутри страны, не позволяющего ни одной организации решить ее исключительно своими силами, для обеспечения комплексного решения данной проблемы необходимо делать упор на эффективной координации деятельности организаций,

работающих в этой области, взаимодополняемости их усилий и укреплении этой деятельности.

- ix. Необходимо создавать условия для возвращения и реинтеграции в общество ВПЛ; речь идет не только о принятии необходимых мер социально-экономического характера, но и о создании атмосферы уважения прав гражданских лиц, предусмотренных в МГП и МППЧ.

В заключение участники выразили пожелание, чтобы данные рекомендации были доведены до сведения глав государств и правительств на специальном саммите Африканского Союза, запланированном на конец 2008 г. для их рассмотрения подкомитетом по вопросу беженцев, возвращенцев и ВПЛ Комитета постоянных представителей.

6. Заключение

В последнее десятилетие МККК чаще, чем когда-либо до этого, ссылался на МППЧ, и эти ссылки носили скорее прямой, нежели косвенный характер. Можно ожидать, что эта новая тенденция повлечет за собой два вида последствий для МККК. С одной стороны, МППЧ, несомненно, может помочь делу повышения эффективности защиты и помощи, которые МККК оказывает жертвам вооруженных конфликтов, благодаря международно-правовому характеру (речь идет как о обычном, так и о договорном праве) ряда прав человека (особенно неотъемлемых). С другой стороны, МККК следует проявлять бдительность, чтобы не поставить под угрозу особый характер организации, что может произойти в случае непоследовательного использования риторики прав человека, которое может, в свою очередь, привести к тому, что МККК начнут путать с правозащитными организациями. При ссылках на МППЧ, даже если число и характер таких ссылок будут ограниченными, сотрудники МККК должны не забывать, что они представляют организацию, которая по своей природе несколько отлична от организации, которая существовала пять, а то и три года назад. Поэтому, возможно, возникнет необходимость в предоставлении партнерам организации соответствующих разъяснений причин, по которым организация, которая на протяжении своей истории была связана с МГП, теперь в своей практике ссылается также и на право прав человека. Полагаю, что МККК может в достаточной степени снизить вероятность утраты им своего особого характера в силу вышеизложенных причин, если организация будет должным образом вести информационную

работу со всеми своими партнерами на местах, как на уровне руководства, так и на уровне исполнителей, а также если МККК, памятуя о своей роли хранителя МГП, будет следить за развитием норм МППЧ, чтобы своевременно отражать в МГП произошедшие в МППЧ изменения и нововведения.

The International Committee of the Red Cross and Civil Rights (Part I) (Summary)

Sergey V. Sayapin*

Throughout a considerable part of its history, the International Committee of the Red Cross (ICRC) has customarily refrained from invoking international human rights law, for reason of this law's alleged politicisation. However, the changing character of armed conflicts and other situations of violence where the ICRC is currently operating have prompted it to set a framework for making some limited use of selected and applicable human rights, for the purpose of reinforcing the protection and assistance it provides. This article examines the norms of international law representing civil rights, which the ICRC may invoke in its humanitarian action, as well as the conditions for their invocation in the ICRC practice.

Keywords: civil rights; international humanitarian law (IHL); international human rights law (IHRL); International Committee of the Red Cross (ICRC); right to life; right to non-discrimination; right to physical and psychological integrity; procedural guarantees; freedom of movement.

---

* Sergey Sayapin – Dr. iur. candidate at the Humboldt-Universität zu Berlin's Chair for German and International Criminal Law, Criminal Procedure and Contemporary Legal History. He also is Responsible for the Programme for the Academic Circles at the Regional Delegation in Central Asia of the International Committee of the Red Cross (ICRC). Whilst the author has made every effort to ensure maximum accuracy in the interpretation of ICRC documentation, this article may not necessarily reflect the ICRC's institutional views. The author is grateful to Tatyana-Maria Komerzan, translator at the ICRC Regional Communication Support Centre (Moscow), for her assistance in the preparation of this article's manuscript. sergey.sayapin@yahoo.com.